

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 116—126.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 116—126.

Научная статья

УДК 94(100)"1939/1945"

DOI: 10.46726/И.2024.3.14

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ Ф. РУЗВЕЛЬТА И У. ЧЕРЧИЛЛЯ НА СТРАТЕГИЮ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ (ДЕКАБРЬ 1943 — АПРЕЛЬ 1945): В ПОИСКАХ ВЗАИМНЫХ КОМПРОМИССОВ

Сергей Александрович Потапов

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)

Российского государственного профессионально-педагогического университета,

г. Нижний Тагил, Россия, sergey.potapov.2011@bk.ru

Аннотация. В статье анализируется эволюция стратегических взглядов президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля в декабре 1943 — апреле 1945 гг., т. е. от последствий Тегеранской конференции «большой тройки» до смерти американского президента и завершения войны с Германией. Особое внимание уделяется анализу роли западных лидеров в эволюции отношений с СССР и влияния проблем выработки основ послевоенного мироустройства на решение военных вопросов. На основе проанализированного материала отмечается, что их взгляды имели важное, часто определяющее значение в формировании национальных и коалиционной стратегий на завершающем этапе войны. Идеи и решения британского лидера и к концу войны базировались на традиционной британской имперской стратегии и концепции «баланса сил»; с этих же позиций он оценивал действия Сталина как политику резко усилившейся великой державы, желающей активно участвовать в послевоенном «разделе мира». Стратегическое мышление президента базировалось на стремлении к созданию глобальной американоцентристской политико-экономической системы; оно опиралось на адекватные оценки соотношения потенциалов великих держав и понимание необходимости для реализации его планов сохранения «политики партнерства» с Москвой, в том числе на послевоенный период. Эти взгляды Рузвельта стали определяющими для эволюции военно-политической коалиционной стратегии и отношений западных держав и СССР на завершающем этапе войны с Германией.

Ключевые слова: Вторая мировая война, антигитлеровская коалиция, Великобритания, США, Черчилль, Рузвельт

Для цитирования: Потапов С.А. Эволюция взглядов Ф. Рузвельта и У. Черчилля на стратегию ведения войны (декабрь 1943 — апрель 1945): в поисках взаимных компромиссов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 116—126.

После сражений 1943 г., ознаменовавших коренной перелом во Второй мировой войне в пользу антигитлеровской коалиции, и Тегеранской конференции, которая подтвердила способность руководителей трех великих держав преодолеть серьезные разногласия при решении важнейших вопросов, для президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля в их «большой стратегии» на первый план выходят факторы, прямо или косвенно связанные с их видением послевоенного мироустройства.

В своей статье мы попытаемся проанализировать, как политико-стратегические вопросы стали всё чаще влиять на планы операций, что неоднократно заставляло обоих западных лидеров напрямую вмешиваться в решения военного командования. При этом подчеркнём, что в данный период войны и для президента, и для премьер-министра ещё более очевидной становилась необходимость соглашений с Москвой по всему спектру стратегических вопросов ведения войны и выработки принципов послевоенного мироустройства. Понимание основ и факторов эволюции стратегического мышления Ф. Рузвельта и У. Черчилля необходимо для анализа процесса формирования национальных и коалиционной военно-политических стратегий ведения Второй мировой войны, в том числе развития отношений западных держав с их советским союзником.

Для премьер-министра фактор наступавших в направлении Европы советских войск после Тегерана стал определяющим для его стратегических взглядов на дальнейшие действия англо-американских сил. 22 февраля 1944 г., выступая в парламенте, Черчилль заявил об «абсолютном единстве» союзников [Манчестер, Рейд: 863]. Однако одновременно он делал все возможное, чтобы убедить американское руководство придерживаться новой «периферийной стратегии», которая теперь в качестве приоритета отстаивала необходимость высадки союзных сил в Триесте и Истрии и дальнейшего наступления на Вену и Балканы с очевидной целью остановки распространения советского влияния. Премьер-министр после войны пытался доказать, что американцы его «неправильно поняли», проявили в очередной раз свою «косность» и беспричинную подозрительность, поскольку в его планах не было масштабной «балканской кампании». Но это противоречит его же претенциозным рассуждениям зимы—весны 1944 г. [Churchill: 62—66; Секретная переписка: 616—617].

Эти идеи привели к тому, что с декабря 1943 г. по инициативе премьер-министра начался новый этап англо-американских разногласий, в которых Черчилль пытался доказать невозможность уже согласованного одновременного проведения операций «Оверлорд» (решающая высадка в Нормандии) и «Энвил» (десант в Южной Франции с целью флангового удара по немцам и вывода значительной части союзных войск из Средиземноморья), а затем — ещё более настойчиво — операции «Энвил» и продолжения наступления на Апеннинах; эти споры, крайне раздражавшие американцев, закончились только после высадки в Южной Франции в августе 1944 г. Эта долгая дискуссия важна не только сама по себе, она как «стратегический барометр» отражала развитие англо-американской стратегии войны против Германии до конца лета 1944 г. под влиянием успешного наступления советских войск и развития ситуации на других театрах военных действий.

До конца марта Рузвельт соглашался на отсрочку проведения высадки на юге Франции из-за понятного стремления увеличить силы для решающей операции — форсирования Ла-Манша. Но для премьер-министра главным приоритетом было не это, а недопущение замедления и тем более остановки операций на Апеннинах; переброска значительных сил из Италии во Францию, как справедливо считал Черчилль, практически исключала возможность развития наступления через «люблянский проход» на Балканы [Эрман: 236—263]. Поэтому он всеми возможными способами подчеркивал необходимость продолжения активных наступательных действий на Апеннинах, связывая их в том числе с необходимостью «большой гибкости» союзной стратегии для обеспечения условий успеха «Оверлорда» [Мэтлофф: 475—478]. Неожиданные неудачи в Италии, где немцы смогли эффективно сдерживать силы союзников

до лета 1944 г., конечно, его очень огорчали, но одновременно они вынудили Вашингтон отложить «Энвил» до августа.

Однако просто отсрочка не устраивала премьер-министра; он стремился заменить её различными «альтернативными вариантами» операций «для помощи Эйзенхауэру», которые предлагал с большой настойчивостью: втягивание в войну Турции; наступление из Италии во Францию вдоль моря; высадка в районе Бордо; крупномасштабный десант в районе Триеста и дальнейшее наступление на Балканы (явный приоритет для самого Черчилля) [Эрман: 269—284]. В результате ни одна из них не заинтересовала американцев, прекрасно понимавших, куда «дует ветер», и решительно отказавшихся от нового «балканского варианта» старой «периферийной стратегии» [Мэтлофф: 485—486].

Окончательно похоронили британские «средиземноморские варианты» проблемы с развитием первоначального успеха операции «Оверлорд» в июне—июле 1944 г.: Эйзенхауэр стал требовать масштабной высадки на юге Франции как можно раньше. Попытки британского командования возражать вызвали резкий ответ американского командования: «ваши доводы в пользу военных действий в Италии несостоятельны и не соответствуют задаче скорейшего окончания войны» [Эрман: 358]. Это заставило Черчилля обратиться напрямую к Рузвельту, указывая на недопустимость тона этого послания и призывая в очередной раз «вспомнить об Истрии». В ответ президент корректно, но безапелляционно подчеркнул необходимость не забывать ясное мнение Москвы, зафиксированное в принципах «тегеранской стратегии», общественные ожидания «удара в самое сердце Германии» и давно уже озвученные «трудности наступления в Словению и Венгрию через Люблянский проход» [Churchill: 655—662]. Только это личное вмешательство Рузвельта заставило Черчилля смириться; при этом очевидно, что этот долгий спор о судьбе операций на средиземноморском театре военных действий выявил низшую точку взаимоотношений лидеров США и Великобритании чуть ли не за всю войну.

Интересно отметить, что в ходе этой длительной и во многом принципиальной дискуссии премьер-министр неоднократно пытался переубедить американскую сторону в пользу развития операций на юге Европы чисто военными соображениями, в то время как президент, вопреки расхожему мнению, обосновывал свою поддержку трансламаншской стратегии прежде всего политическими факторами. Принципиальная разница американской решительной «стратегии концентрированного удара» по Германии и британской осторожной «периферийной стратегии» определялась растущей диспропорцией военных потенциалов и разницей геополитических интересов двух западных держав; рассуждать о некой «оторванности» военной стратегии Вашингтона от политических оценок геополитической ситуации по меньшей мере наивно. Отстаивание Рузвельтом и его военными советниками приоритетности наступления на Германию с запада, а не с юга, определялось стремлением закончить войну с наиболее выигрышными для США политическими позициями: Западная Европа в геополитическом плане была значительно более важным призом, чем юго-восточная часть континента.

Для Черчилля всё было сложнее. Он, конечно, понимал приоритетность западноевропейского театра военных действий перед средиземноморским с точки зрения послевоенных позиций в Европе. Но премьер-министр всегда рассматривал трансламаншскую операцию только в качестве «последнего удара» по уже полностью истощенной Германии, ослабленной войной на Востоке, бомбардировками, блокадой и военными действиями «на периферии».

Его бесконечные оговорки и условия для проведения операции «Оверлорд», так раздражавшие Вашингтон и Москву, объясняются не только политико-стратегическими соображениями, но и стремлением исключить большие людские и материальные потери при её проведении, которые, по мнению экспертов, были очень даже возможны [Eisenhower: 273—274]. Американское руководство в этом вопросе всегда было более оптимистично и считало даже серьёзные потери (конечно, в допустимых пределах) оправданными для проведения наступления на главном стратегическом направлении. Но уровень «допустимых потерь» для Черчилля и Рузвельта, исходя из всё большей разницы военных потенциалов двух держав, был уже весьма различным.

После форсирования Ла-Манша и особенно быстрого наступления союзников в июле—сентябре 1944 г. все большее внимание оба западных лидера были вынуждены уделять вопросам оккупационной политики на занятых территориях. Рузвельт, видимо, искренне уверял Черчилля в невозможности длительного присутствия американских войск в Европе после войны из-за неизбежного роста изоляционистских настроений, поэтому, по его словам, США не будут брать на себя оккупационные обязанности на значительной территории. Данная позиция президента проявилась и в реальной политике: американцы стремились минимизировать своё участие и не брать на себя конкретных обязательств в решении спорных вопросов Балкан, Франции, Италии и других европейских государств. Рузвельт хотел представить европейские проблемы прежде всего британским делом и призывал Черчилля «воспитать и приучить к дисциплине его собственных чад» — правительства освобождаемых стран [Секретная переписка: 492, 520—521].

Однако нельзя забывать общий посыл рузвельтовского видения послевоенного мироустройства: стремление к американскому глобальному преобладанию после войны. Без обеспечения контроля, пусть и косвенного, над европейским континентом, по крайней мере большей его частью, это было невозможно. Поэтому Рузвельт хорошо понимал всю важность для послевоенных позиций Америки по возможности восстановленной и «опекаемой» Европы. Но стремление пока не показывать свои истинные планы в условиях сложной дискуссии с Черчиллем и особенно Сталиным по вопросам послевоенного урегулирования, сохранявшаяся в американском обществе популярность изоляционистских идей и, главное, ожидаемый экономический гегемонизм США заставляли президента планировать другие, помимо прямого военного и политического контроля, формы влияния над ситуацией в Европе. Традиционно тесные связи Лондона с европейскими структурами, особенно в Восточной и Юго-Восточной Европе, позволяли надеяться на использование их для решения самых запутанных политических проблем без прямого участия Вашингтона, что хорошо вписывалось в эту стратегию Рузвельта. Данная позиция США сильно беспокоила и раздражала премьер-министра, который не мог не чувствовать это желание американцев свалить на Лондон груз принятия сложных и непопулярных решений.

После побед советских войск весной—летом 1944 г. и их появления на территории восточноевропейских государств Черчилль перестал скрывать свои истинные мотивы в отстаивании как можно более масштабного и скорого наступления англо-американских войск «на Вену». Уже в мае он писал о приближении момента, когда «нужно будет начать открытое объяснение с русскими по поводу их коммунистических интриг в Италии, Югославии и Греции» [Черчилль: 372—373]. Всё большее недоверие Черчилля к целям Москвы

в отношении стран Восточной Европы породило весьма острую полемику со Сталиным о судьбе варшавского восстания, однако и в этом вопросе он не получил прямую поддержку Рузвельта [Печатнов, Магадеев: 232—251].

По инициативе премьер-министра в сентябре 1944 г. в Квебеке прошла последняя англо-американская конференция. В Вашингтоне не слишком-то хотели снова погружаться в бесконечные споры с британцами о стратегических перспективах уже вроде бы согласованных планов операций, справедливо полагая, что Черчилль в очередной раз постарается сделать акцент на политические вопросы. Казалось бы, премьер-министру удалось продавить решение о продвижении союзных сил через Любляну к Вене, но с принципиальной оговоркой «если война продлится достаточно долго и если другие (т. е. Красная Армия) не придут туда раньше» [Эрман: 504]. Рузвельт и его военные советники рассматривали эту операцию лишь как возможность развить успех наступлений союзников во Франции и Италии и не собирались ради неё хоть как-то ограничивать действия войск Эйзенхауэра на решающем направлении. Поэтому стремление премьер-министра подать эти планы, а также согласие Вашингтона на создание американской оккупационной зоны в Германии и на продление ленд-лиза как прорыв в разрешении англо-американских разногласий на основе британских предложений является явным преувеличением [Черчилль: 409—411]. Рузвельт рассматривал эти решения как способ поддержки и уступки Лондону в тех вопросах, которые не противоречили его видению американских интересов и прямо не касались отношений с Москвой. В целом работа этой конференции ещё раз подтвердила в глазах президента невозможность решать важнейшие европейские политико-стратегические проблемы без учета позиции Сталина [Edmonds: 377—379].

Относительно войны на Тихом океане Вашингтон привык полностью определять военную и политическую стратегию, поэтому высказанное в Квебеке настойчивое желание Лондона, с учетом скорого поражения Германии и необходимости восстановления имперских позиций, «поучаствовать» в разгроме Японии вызвало явное раздражение американского военного руководства. Но Рузвельт решительно вмешался в дискуссию и заявил о принятии навязываемой британской помощи [Черчилль: 324; Мэтлофф: 552—558]. Это решение президента можно объяснить несколькими принципиальными соображениями: войне с Японией пока было не видно конца; надежды на Китай как на главного союзника на Дальнем Востоке постепенно развеивались, хотя задача втягивания Москвы в эту войну сохранялась как важнейший приоритет американской стратегии, но росли опасения относительно выгоды для США такого развития событий [Печатнов: 168].

Для Черчилля, несмотря на весь его безусловный антикоммунизм и резко отрицательные эмоции относительно перспектив господства Москвы в Восточной и Центральной Европе, соглашения со Сталиным о территориальном разделе «сфер влияния» полностью укладывались в его видение допустимого развития послевоенной ситуации. Это привело к заключению в октябре 1944 г., во время второго визита Черчилля в Москву, известного негласного соглашения о «процентах» интересов СССР и Британии в балканских государствах после их освобождения. То, что эта договоренность не была чем-то спонтанным и несущественным, доказывают последующие события (осторожность Лондона относительно балканской политики СССР и явное нежелание Москвы вмешиваться в развитие ситуации в Греции). Черчилль в Кремле также проявил «понимание» жизненной заинтересованности Сталина в польском вопросе и относительно

проблемы черноморских проливов и после подчеркивал «атмосферу необычайной доброжелательности» на этих переговорах [Ржешевский: 421—422, 428—436]. Всё это доказывает его готовность исходить из неизбежности контроля Москвы над большей частью Балкан и появления советских войск в центре Европы, как бы ни огорчала его подобная перспектива. Вскоре осенние проблемы с развитием наступления на западном фронте и арденнский кризис окончательно исключили всякую возможность реализации «новой периферийной стратегии».

Крымская встреча «большой тройки» (4—11 февраля 1945 г.) справедливо считается высшей точкой развития отношений СССР—Запад в рамках антигитлеровской коалиции. Даже более очевидно, чем в Тегеране, в Ялте проявились взаимное уважение и определенные симпатии друг к другу Рузвельта и Сталина — к большому разочарованию Черчилля [Манчестер, Рейд: 967—968]. Некоторые принципиальные вопросы, например сроки вступления СССР в войну с Японией, обсуждались вообще без участия британского лидера. Но и у Черчилля, всегда уверенного в собственных дипломатических возможностях, в очередной раз осталось позитивное впечатление от результатов личных контактов с советским руководителем [Гилберт: 882—889].

Оба западных лидера согласились с необходимостью пойти навстречу Москве в решении проблемных вопросов об оккупационных зонах Германии и Австрии, об объёме репараций, о послевоенных границах и политическом устройстве стран Восточной Европы, относительно принципов устава Организации Объединенных Наций. Это была с их стороны не «политика умиротворения» Сталина, как часто заявляли западные историки после войны, а констатация реальности: они не могут серьёзно влиять на судьбы стран Центральной и Восточной Европы в силу их стратегических решений 1942—1943 гг. В результате в решениях ялтинской конференции можно увидеть контуры межсоюзнического консенсуса на основе признания Западом геополитического преобладания СССР в странах, образующих для него «пояс безопасности» и уже контролируемых советскими войсками, при одновременном согласии Москвы с основами предлагаемого Рузвельтом нового миропорядка. Президент после конференции был «абсолютно уверен в том, что американцы и русские смогут работать мирно так долго, как это только можно себе представить» [Шервуд: 589].

Черчилль и в целом британское руководство не скрывало своего раздражения снижением возможностей Лондона влиять на принятие союзных решений, считая, по словам министра иностранных дел Э. Идена, что «советская политика аморальна, а американская моральна в высшей степени, но только в случаях, когда не затрагиваются интересы Америки» [Eden: 406]. Но это скрытое раздражение не мешало премьер-министру публично защищать ялтинские соглашения, подчеркивая, что «судьба человечества была бы мрачной в случае возникновения какого-либо ужасного раскола между западными демократиями и СССР» [Черчилль: 539, 541].

Важнейшим элементом нового послевоенного мироустройства Рузвельт видел глобальную международную организацию (Организацию Объединенных Наций), которая должна заменить проводившуюся веками политику баланса сил, сфер влияния, противоборствующих военно-политических коалиций [Мальков: 470—474]. Черчилль относился к этой идее по понятным причинам весьма скептически, предпочитая в русле традиционной политики «разделяй и властвуй» создание неких региональных «объединенных блоков» европейских стран с явными мыслями относительно их использования для противодействия советскому влиянию. Но, понимая принципиальную позицию

Рузвельта и иллюзорность реализации собственных планов, он вынужденно согласился с американскими предложениями.

Антисоветские настроения стали ещё более очевидно проявляться в стратегических предложениях Черчилля весны 1945 г. по мере всё больших успехов наступления на Германию с запада и востока и приближения окончательной победы. Черчилль уже в марте говорит о «ухудшении отношения русских», а в мемуарах отмечает в это время «отход Советского Союза от духа Ялты» [Секретная переписка: 771; Черчилль 564]. Это заставляло премьер-министра, по его словам, настойчиво призывать Белый дом занять «твёрдую и жёсткую позицию» по проблемам Восточной Европы и, главное, отстаивать приоритет политических соображений над военной целесообразностью при планировании наступления войск Эйзенхауэра для как можно более быстрого и результативного продвижения англо-американских сил [Гилберт: 919—920]. Такие противоречащие ялтинским договоренностям и весьма недружественные по отношению к Москве планы полностью вписывались в его концепцию разделения сфер влияния между СССР и Западом, отражая желание премьер-министра максимально отодвинуть их границу как можно дальше на восток и стремление создать основу для последующих переговоров с Кремлем с позиции силы.

При этом Черчилль полностью осознавал тот факт, что даже при сохранении американского военного присутствия в Европе западные державы не могли рассчитывать на победу в случае военного конфликта с СССР (что и подтвердили его военные советники, тайно прорабатывая в мае—июне 1945 г. планы войны против Москвы) [Черчилль: 574—575; Ржешевский: 524—529]. Также было очевидно, что западная общественность категорически не восприняла бы идею новой войны с вчерашним главным союзником; несмотря на постепенный спад просоветских симпатий, они оставались на высоком уровне как в США, так и в Британии.

В то же время Рузвельт, всегда стремившийся не мешать реализации стратегических планов ради неких тактических преимуществ, стремился не обострять проблемы советского контроля над Восточной Европой, поскольку признавал, что на оккупированной территории русские «будут делать более или менее то, что захотят» [Печатнов: 183]. Поэтому, с его точки зрения, предложения Черчилля о приоритете политических (т. е. антисоветских) целей при операциях союзных войск неприемлемы: при туманных военных перспективах они гарантированно уничтожили бы нормальные отношения с Москвой. Есть заслуживающие доверия свидетельства о том, что в последние недели своей жизни президент был сильно встревожен «нарушением Сталиным ялтинских договоренностей» [Печатнов 313]; «бернский инцидент» (тайные переговоры с немцами в Швейцарии) вызвал, как известно, самый резкий обмен взаимными обвинениями между Рузвельтом и Сталиным за всю войну. Но президент в конечном итоге максимально сгладил его последствия, не слишком правдиво назвав их в послании Сталину «незначительными недоразумениями» и призвав Черчилля «не преувеличивать советские проблемы» [Секретная переписка: 799; Печатнов, Магадеев: 501]. Символично, что эти слова были написаны в его последних обращениях партнерам по «большой тройке».

Для Рузвельта важнейшим результатом войны должно было стать создание нового глобального миропорядка, в котором США будут не просто одной из великих держав, а страной-гегемоном, контролирующей и поддерживающей новую систему международных отношений, более справедливую и безопасную — конечно, с точки зрения американского видения справедливости и безопасности.

Президентское видение послевоенного мира всегда опиралось на либеральные «универсальные моральные принципы» (демократия, права человека, открытая экономика, самоопределение наций, система глобальной коллективной безопасности) — в его варианте их понимания и глобальной реализации.

Называть внешнеполитическую доктрину Рузвельта «идеализмом» значит сильно упрощать его идеи: «большая стратегия» президента полностью отвечала задачам создания американоцентристского мира, была предельно прагматична и опиралась на адекватное понимание соотношения военно-политических потенциалов великих держав. Главное преимущество Америки — мировое экономическое доминирование — нужно было реализовать через экономику «открытых дверей», опирающуюся на соответствующие политические режимы и организации, действующие в глобальном масштабе и не признающие некие «сферы влияния». В рамках этого «американского порядка» геополитическое противоборство переводится в экономическую плоскость, а «мировое правительство» (система международных организаций), подконтрольное Вашингтону, должно сдерживать политико-идеологические амбиции отдельных держав (конечно, кроме самих США) [Kimball: ch. 9].

Для создания такого миропорядка требовалось согласие, пусть вынужденное, других крупных игроков на мировой арене, прежде всего СССР и Великобритании. Глобальные позиции и влияние Британской империи к концу войны были основательно подорваны; поэтому для президента задачи стратегии в отношении Лондона лежали к концу войны в плоскости поддержки слишком быстро слабеющего главного союзника, чем в борьбе с ним за послевоенные позиции в мире. Однако геополитические амбиции Сталина, опирающиеся на мощный военный потенциал и резкий рост глобального политического влияния Москвы, выглядели гораздо более обоснованными. При этом, как хорошо понимал президент, разговаривать со Сталиным с «позиции силы» невозможно и бесперспективно. Поэтому ради его согласия на новый глобальный миропорядок нужно находить компромиссные решения, стремиться создать атмосферу доверия, даже идти на серьезные уступки Москве в тех вопросах, которые не затрагивают жизненно важные американские интересы.

В рамках этой политики по инициативе Рузвельта, которому в целом удавалось преодолевать растущее противодействие антисоветских консервативных элементов в политической элите США, Вашингтон сделал ряд серьезных шагов: практически полное отсутствие публичной критики действий советского руководства; расширение программы ленд-лиза и обещания экономической помощи после войны; понимание территориальных притязаний Сталина для создания «пояса безопасности» СССР на его западных границах. И вроде бы это было оправданно, поскольку президент до своей смерти увидел важнейшие и, как он надеялся, определяющие шаги по созданию основ нового мирового порядка с участием Москвы: создание бреттон-вудской системы и принятие принципов функционирования ООН. Всё это позволяло надеяться, по мнению президента, не только на интеграцию СССР в мировое сообщество, но и постепенное изменение природы советского строя [Печатнов: 104—107]. Для глобального мирового равновесия следовало восстановить (в какой-то степени) Западную Европу во главе с Лондоном и Китай, а СССР, в свою очередь, сдерживал бы их амбиции. США в такой глобальной конструкции отводилась роль главного «балансира», всегда имеющего возможность вмешательства в любой точке мира и, значит, контроля над всей этой системой в своих интересах.

Прагматичная советская политика позволяет говорить о том, что Сталин, понимая истинный характер предлагаемых Рузвельтом решений, в целом

принимал (по крайней мере, до завершения войны) американский вариант послевоенного мироустройства, конечно, с учетом советских корректировок и дополнений. Как бы сложно не развивались отношения с союзниками, он надеялся через переговоры, а не конфронтацию реализовать амбициозные планы по расширению границ и сфер влияния СССР и получить крайне важную экономическую помощь для послевоенного восстановления. Это согласие Москвы, пусть возможно только формальное, на основные предложения Рузвельта давало президенту основания до конца своей жизни быть оптимистом и, несмотря на все трудности и рост недовольства этой политикой среди влиятельных представителей американской военной и политической элиты, рассматривать СССР в качестве потенциально дружественной державы [Мальков: 486—493].

Политическая стратегия Черчилля и к концу войны не содержала каких-то новых принципов и отражала все особенности британской имперской стратегии и концепции «равновесия сил». Её антисоветская направленность — при определённой идеологической составляющей — базировалась прежде всего на традиционном стремлении не допустить преобладания какой-либо одной страны, теперь СССР, на евразийском континенте. Премьер-министр оценивал действия Сталина как проявления имперской политики великой державы, желающей активно участвовать в послевоенном «разделе мира», а не реализацию большевистской теории «мировой революции», и эта его позиция была, по-видимому, более понятна и близка советскому руководителю, чем строительство американского «нового миропорядка». Послевоенная критика Черчиллем решений президента звучит неубедительно с учетом тогдашних действий самого премьер-министра, который серьезно никогда не выступал против стремления Рузвельта сохранять и развивать сотрудничество с СССР, правда, в несколько иной форме и иной направленности. В рамках собственной политики в отношениях с Москвой Лондон понимал неизбежность уступок и договоренностей.

После завершения мирового конфликта по инициативе Черчилля в западной историографии, особенно британской, складывается весьма влиятельное мнение относительно ограниченности стратегического мышления Рузвельта, якобы не учитывавшего многих геополитических принципов и поэтому мешавшего принятию необходимых военных решений, вытекавших из политико-стратегических приоритетов Запада [Черчилль: 574—575]. В действительности президент всегда видел неразрывную связь политики и войны; у него было своё чёткое видение послевоенного мира, которое определяло его отношение к ведению военных операций, особенно на завершающем этапе военных действий в Европе, и которое часто противоречило воззрениям британского лидера. С учетом последующего резкого разрыва нормальных советско-американских отношений и начала «холодной войны» оно может показаться идеалистическим и оторванным от реалий тогдашней политической ситуации, но его реализация всё же давала надежду на определенную послевоенную стабильность. Вряд ли есть какие-то основания считать, что жёсткая позиция Запада в отношении СССР, к которой призывал Черчилль, могла бы иметь хоть какие-то положительные последствия с точки зрения международной безопасности.

Список источников

- Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. Т. 2. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 768 с.
- Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941—1945. М.: Наука, 2004. 564 с.

- Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М.: Терра, 1995. 800 с.
- Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. М.: Воениздат, 1991. 702 с.
- Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 680 с.
- Churchill W. Second World War, vol. 6: Triumph and Tragedy, London, Boston, Toronto: Houghton Mifflin; Cassell, 1953, 800 p.
- Eden A. The Memoirs. The Reckoning, London: Cassell, 1965, 623 p.
- Eisenhower D. At Ease: Stories Tell to Friends, London: Hale, 1968, 400 p.

Список литературы / References

- Гилберт М. Черчилль: биография. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. 1056 с. (Gilbert M. Churchill: a biography, Moscow, 2015, 1056 p. — In Russ.)
- Мальков В.Л. Великий Рузвельт. «Лис в львиной шкуре». М.: Яуза/Эксмо, 2011. 560 с. (Malkov V.L. Great Roosevelt. "The Fox in Lion's Clothing", Moscow, 2011, 560 p. — In Russ.)
- Манчестер У., Рейд П. Уинстон Спенсер Черчилль. Защитник королевства. Вершина политической карьеры. 1940—1965. М.: Центрполиграф, 2016. 1183 с. (Manchester W., Reid P. Winston Spenser Churchill. Defender of the Realm. The pinnacle of a political career. 1940—1945, Moscow, 2016, 1183 p. — In Russ.)
- Мэтлофф М. От Касабланки до «Оверлорда». М.: Воениздат, 1964. 584 с. (Matloff M. From Casablanca to "Overlord", Moscow, 1964, 584 p. — In Russ.)
- Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2006. 752 с. (Pechatnov V.O. Stalin, Roosevelt, Truman: The USSR and the USA in the 1940's. Documentary essays, Moscow, 2006, 752 p. — In Russ.)
- Эрман Дж. Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 634 с. (Ehrman J. Big Strategy. August 1943 — September 1944, Moscow, 1958, 634 p. — In Russ.)
- Edmonds R. The Big Three: Churchill, Roosevelt and Stalin in Peace and War. London: W. Norton and Co., 1991, 668 p.
- Kimbal W.F. The Juggler: Fr. Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1991, 304 p.

THE EVOLUTION OF F. ROOSEVELT'S AND W. CHURCHILL'S VIEWS ON THE STRATEGY OF WAR (DECEMBER 1943 — APRIL 1945): IN SEARCH OF MUTUAL COMPROMISES

Sergey A. Potapov

Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch)
of the Russian State Vocational Pedagogical University,
Nizhny Tagil, Russian Federation, sergey.potapov.2011@bk.ru

Abstract. The article analyzes the evolution of the strategic views of the US President F. Roosevelt and the British Prime Minister W. Churchill in December 1943 — April 1945, i. e. from the consequences of the Tehran Conference of the "Big Three" up to the death of the American President and the end of the war with Germany. Particular attention is paid to the analysis of the role of Western leaders in the evolution of relations with the USSR and the impact of the problems of developing the foundations of the post-war world order on the solution of military issues. On the basis of the analyzed material, it is noted that the decisions of F. Roosevelt and W. Churchill were of significant, often decisive importance in the formation of national and coalition strategies at the final stage of the war. By the end of the war, the British leader's ideas

and decisions were still based on traditional British imperial strategy and the concept of the “balance of power”; he assessed Stalin's actions as a policy of a considerably strengthened great power that wanted to actively participate in the post-war division of the world. The president's strategic thinking was based on the desire to create a global American-centric political and economic system; it relied on an adequate assessment of the balance of the potentials of the great powers and an understanding of the need to maintain a “policy of partnership” with Moscow, including the post-war period, in order to implement its plans. These views of Roosevelt became decisive for the evolution of the military-political coalition strategy and relations between the Western powers and the USSR at the final stage of the war with Germany.

Keywords: Second World War, anti-hitler coalition, Great Britain, USA, Churchill, Roosevelt

For citation: Potapov S.A. Evolution of F. Roosevelt's and W. Churchill's views on war strategy (December 1943 — April 1945): in search of mutual compromises, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 116—126.

Статья поступила в редакцию 08.02.2024; одобрена после рецензирования 27.03.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted 08.02.2024; approved after reviewing 27.03.2024; accepted for publication 13.05.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Потапов Сергей Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Нижний Тагил, Россия, sergey.potapov.2011@bk.ru

Potapov Sergey Aleksandrovich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (Branch) of the Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhny Tagil, Russian Federation, sergey.potapov.2011@bk.ru